

О РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Комментарий к диалогу Б. Докторова и В. Ядова

Лариса Козлова, канд. филос. наук
зав. сектором социологии науки Института социологии РАН
зам. главного редактора «Социологического журнала»

Очередной «разговор через океан» двух известных социологов вызовет несомненный интерес у тех, кто не безразличен к истории отечественной социологии, проблемам социологического сообщества советского времени. Этими вопросами сейчас занимаются немногие: невыгодно и вроде бы не очень актуально. Но позиция эта в корне обманчива, так как без основательной рефлексии над собственным прошлым невозможны сегодняшние успехи, движение вперед российской социологии. Тем не менее надо признать, что среди коллег мало кто владеет названной проблематикой по-настоящему. Здесь есть над чем подумать. Биографии, в данном случае автобиографии, социологов, — дают благодатную почву для исторических исследований. Но априорно известно, и рассматриваемый диалог это подтвердил, что одних только рассказов социологов о себе и своем времени недостаточно для реконструкции истории. Историю в биографиях, или «историю от лица социологов», как ее называет Б.З. Докторов, следует признать *особым историко-научно-исследовательским жанром, направлением* и соответствующим образом подходить к знаниям, которые дает такое исследование, а именно — с учетом различий, существующих между ним и «большой» историей социологии. Пояснение в основном сводится вот к чему: «история от лица социологов» реконструирует науку через собственную жизнь автобиографа, «изнутри» исследуемого социологического сообщества. Такой взгляд, даже если он самый точный, будет отличаться от взгляда стороннего историка — архивиста и документалиста, будет создавать специфический тип микроистории. Кто-то может сказать, что он субъективен. Способы исторического исследования могут быть разными, все здесь зависит от методологии и ставящихся задач. Нельзя сказать, что «история от лица социологов» лучше или хуже другой. Ее специфика в том, что она, в первую очередь, «история людей», а не идей (парадигм), структур или институций. Ее характер можно определить как более личностный, чем надличностный. Это определенная оптика, которая позволяет что-то увидеть, но что-то ей недоступно. Но и такая история при определенных процедурах сбора и анализа биографического материала, на мой взгляд, может представлять собой объективированное знание и вносить свой вклад в «большую» историю. Для историков и исследователей биографий это общее замечание тривиально, поэтому скорее адресуется тем, кто занимается чем-то другим. Выскажусь конкретнее по двум пунктам, связанным с рассматриваемым диалогом — об историографии отечественной социологии и поколенческом подходе к изучению социологического сообщества.

Об историографии советско-российской социологии

К комментарию на эту тему меня побудили следующие слова Бориса Докторова из разговора с В.А. Ядовым: «В июне 2007 года я встретился с Татьяной Ивановной Заславской и спросил ее: “Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?” Она ответила: “Мне кажется, что правильнее — советской социологией. Ведь этапы — это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причём всё это должно быть непрерывным. А в российской со-

циологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х”¹.

На мой взгляд, эти слова являются свидетельством, с одной стороны, взгляда на историю «изнутри» поколения, в *профессиональной жизни* которого российская социология начинается с 60-х; с другой — о нерешенности проблемы историографии отечественной социологии. В частности, не завершён спор о ее «возрождении», «втором рождении» в 1960-е гг. и т. п., но об этом попозже. Сомнительно и выделение советской и постсоветской *«социологий»*, а не *этапов, или периодов*, пусть и с оговорками, но *парадигмально единой* послереволюционной российской социологии.

Для меня «советская социология», о которой говорит Татьяна Ивановна, то есть социология 1960-х-начала 1990-х гг., — это скорее сложный этап (период) советской послереволюционной социологии как таковой, то есть социологии, порожденной советским общественным устройством и советским марксизмом. Если мы пойдем в ретроспективу, то вспомним еще и о «советской социологии 20-30-х гг.», которую можно назвать ранней советской. Точка зрения самого Б. Докторова, насколько я ее знаю, фактически совпадает с моей.

Тем не менее попробую изложить свои аргументы в пользу «этапности-периодичности» послереволюционной социологии в России. Один из них касается жизни идей. Идеи существуют долго, они инерционны и сменяются медленнее, чем общественные устои. В данном случае я имею в виду применение марксизма как общей теории социологии. Ее идейно-методологическим ядром все-таки вплоть до 1990-х оставался советский марксизм (какие бы разновидности он ни принимал в сообществе социологов)². Я здесь не имею в виду диспуты о соотношении исторического материализма и социологии, о стремлении «шестидесятников» отделить ее от истмата в борьбе с философами-марксистами. Я имею в виду истмат *как взгляд на общество, картину мира, общую методологию*. Разумеется, эта картина не оставалась однородной. Г.С. Батыгин отмечает повышенную «вместимость», гибкость советского марксизма, позволявшие сочетать различные идейные дискурсы: «Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации, — пишет Батыгин. — Этим, вероятно, объясняется и многообразие авторских исследовательских программ и концепций, разрабатывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм — не столько доктрина, сколько эзотерический код, значения которого зависели от интерпретативной позиции автора»³.

1 Б. Докторов цитирует интервью, опубликованное в: Заславская Т.И. «Я с раннего детства знала, что наука — это самое интересное и достойное занятие» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 166.

2 Я считаю, что и «досоветскую», то есть «дореволюционную» социологию нельзя с корнем отрывать от ранней советской, т.к. последняя формировалась в русле критического пересмотра, отрицания дореволюционных идей. Это означает, что с такими идеями так или иначе работали: их критиковали, составляли списки запрещенной литературы, рассматривали учебные программы и т.п. Говоря в общем, этап ранней советской социологии заключался в постепенном вымывании досоветского знания и «расчистке территории» для советского марксизма. Однако влияние дореволюционных учителей (школьных, вузовских) обнаруживается и на ранне-советских социологах, и на «шестидесятниках».

3 Батыгин Г.С. Предисловие // Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 12.

Разрыв же между «ранними» и «шестидесятниками» был, главным образом, связан с прикладными исследованиями — их тематикой, задачами, методикой. «Шестидесятники», хотя и ровнялись на западных социологов, своих раннесоветских тоже читали, о чем сами свидетельствуют. Однако осознанного социологического проекта, основанного на более ранних работах, конечно, не было (как, впрочем, не было «социологического проекта» как такового). Что-то из прочитанного оставалось в головах, что-то даже использовалось — идеи о трудовых отношениях, бюджетах времени, социальной структуре и др. Говоря в общем, чаяния возрождающейся советской социологии 60-х были обращены на Запад. Нельзя не согласиться с Ж.Т. Тощенко: «...в 1960–1980-е годы перед отечественной социологией стояли иные задачи. Поэтому все крупные исследования 1960-х годов <...> отвечали на волновавшие науку и практику вопросы именно этого периода, не учитывая то, что делалось в 1920-е годы»⁴. За 30–40 лет сильно изменилось российское общество. Ушла вперед западная социология, у которой можно было учиться методике. Обращаться же к науке недавно разоблаченного прошлого, в котором господствовала сталинская идеология, было и неперспективно, и жутко.

Есть и логический аргумент в пользу «этапов» или «периодов»: если вполне гладкой кажется договоренность относительно разъединения социологии 20–30-х гг. и советской социологии — между ними, как считается, большой перерыв, — то как быть с «постсоветской социологией»? Здесь логика «социологий» (а не «этапов», «периодов») и вовсе не работает. В противном случае надо предполагать, что и между «советской» и «постсоветской» «социологиями» не существует никакой преемственности и родства.

Зададим себе вопрос, существует ли на сегодняшний момент качественное идейное различие (в пределе — парадигмальное) между так называемыми «советской социологией» и «постсоветской социологией»? В той мере, в какой на арене отечественной социологии главными, наиболее продуктивными продолжают оставаться представители старших и средних поколений, воспитанные на парадигме советского марксизма, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Иными словами, «советская социология» только начала переходить в «постсоветскую». Чтобы это произошло в полной мере, должны прийти новые поколения социологов, для которых органичными станут какие-то иные, отличные от советско-марксистских, представления об обществе. Мне бы не хотелось быть понятой таким образом, будто я не различаю идейных «оттенков» в работах своих коллег или совсем не нахожу эвристических возможностей в советском марксизме. Я лишь пытаюсь подчеркнуть инерционность идейно-смысловых комплексов, которые в недалеком прошлом были наиболее значимы для большинства профессионального сообщества российских социологов. Вне зависимости от того, принимали они их или боролись с ними.

Если воспринимать послереволюционную социологию как парадигмально единую, то я бы выделила следующие ее этапы («целостный процесс», предполагающий «зарождение, созревание, зрелость», о котором говорит Т.И. Заславская, на мой взгляд, может и не протекать плавно, а прерываться и восстанавливаться):

- послереволюционный (20–30-е гг.),
- этап «хрущевской оттепели» (60–70-е гг.); он, разумеется, тоже «советский», но особенный;
- советский (70-е — начало 90-х гг.),
- постсоветский (начало 90-х гг. — по наст. время). «Постсоветскость» этого этапа пока определяется, главным образом, тем, что разрушены советские общественные устои.

⁴ Тощенко Ж.Т. «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 168–169.

Деление может быть и более дробным.

Я не являюсь сторонницей доминирующего мнения, что между первым и вторым периодами — абсолютная пустота. Борис Докторов образно назвал этот промежуток «выжженной территорией», которую «страх огораживал от посещения». В этих словах много справедливого.

Возможно все же, за этой пустотой скрывался латентный период советской социологии, т.к. были работы и идеи, хотя не было структур (с уверенностью могу сказать только о том, что в 1960-е гг. социология *впервые после революции* начала институционализироваться). Период разрыва (с 1920-х по 1960-е) надо лучше изучить и реконструировать — по архивным документам, опубликованным и неопубликованным работам, — что начал делать Г. Батыгин и пришел, прямо скажем, к «непривычным» результатам (им опубликована серия статей об этом периоде).

Думаю, что почти всех ныне работающих российских социологов, строго говоря, надо называть советскими (выделяется особая группа «шестидесятников»). «Постсоветским» социологам сейчас всего лишь 35–40 и менее лет, и они все сильнее уклоняются в маркетинг и другие смежные области.

Я не уверена, что мы единым словом-вывеской — «возрождение», «второе рождение» или каким-то еще, из тех, что сейчас обсуждаются коллегами, — можем описать возникновение социологии в 1960-е гг. В этом процессе было много линий, «сюжетов». В каких-то отношениях он был преемственным по отношению к раннему советскому (например, господство теории марксизма, идеи научного управления обществом, сложность отношений с властью и др.) в каких-то — «вторым рождением» (это слово наиболее коррелирует с деятельностью группы «шестидесятников», которые привнесли в социологию реформаторский дух; а что касается всей массы социологов 1960–1970-х гг. — вузовских, заводских, партийно-идеологических, — тут, как поется, «я вам не скажу за всю Одессу...»). Вряд ли они олицетворили «второе рождение», но и их нельзя элиминировать из «большой истории» отечественной социологии). Словом, при серьезном подходе к историографии здесь еще много «неизвестных».

О поколениях российских социологов

Поколенческий подход необходим для изучения нашего социологического сообщества. Это я утверждаю не только из уважения к Борису Докторову и его работе, а потому что эта идея возникла и в моем собственном опыте исследования истории. Я бы сказала, что поколенческий подход — *необходимое методологическое условие изучения советско-российской социологии, социологического сообщества*. Иначе ничего не получится: слишком быстро менялись наука и общество; возникло много различающихся исследовательских генераций, или, я бы сказала, «социокультурных когорт» социологов.

Критерии выделения «поколений» или «социокультурных когорт» пока не очень определены. Для меня здесь главный критерий — это особенности опыта социализации (то есть завершения учебы и начала работы в социологии), которые определяются двояко — ситуацией в социологии (образовании) и в обществе. По этой причине «поколения» социологов надо выделять, основываясь на знании истории российской социологии и истории нашего общества.

Недавно мне пришлось думать на тему об особенностях профессиональных карьер социологов в постсоветское время (конец 1980-х — начало 2000-х гг.). Я натолкнулась на очевидный факт, что современное общество социологов крайне разнородно и состоит из социокультурных групп (когорт), которые связаны и с возрастом, но возраст здесь — только сопутствующая пе-

ременная, это не возрастные когорты. Среди ныне работающих (а также заканчивающих учебные заведения и начинающих работать) социологов я — для начала — выделила «старших», «средних» и «младших» по возрасту. Старшие родились во второй половине 1920-х — в 1930-е гг., средние — в 1940-1960-е гг., а младшие — в 1970-е и позже. Эти группы явно объединены пережитым жизненно-профессиональным опытом, научными ценностями, самоидентификационным подходом, взглядом на социологию. При анализе в каждой группе выделялись слои — на основании все тех же критериев — характер образования; ситуация в науке и обществе, при которой социолог вошел (входит) в профессию. Были у меня и дополнительные критерии, но они связаны с конкретной на тот момент темой исследования: особенности профессиональной самоидентичности и социальной идентичности социолога, автономность/неавтономность деятельности; карьерные и профессиональные статусы к началу рассматриваемого периода; характер карьерных перемещений в рассматриваемый период; соотношение карьеры и профессии социолога в рассматриваемый период. Но, несмотря на фокусировку темы, я убедилась, что «поколенческий подход» может быть универсальным при исследовании социологического сообщества в России, истории советско-российской социологии. Я не слыхала буквально, совпадают ли по датам рождения «поколения» Бориса Докторова и мои «социокультурные когорты» социологов. Но, кажется, по сути совпадений очень много.

Хотелось бы остановиться на вопросах, которые у меня возникли в связи с типологией Бориса Докторова. Вызывает некоторое удивление, что поколения выглядели столь гармоничным образом: с интервалом в 12 лет. Это похоже на чудо. Но пусть над ним думают нумерологи и математики. Мне ближе социально-гуманитарная суть вопроса. Уверена, что Б. Докторов сможет обосновать свои расчеты в последующих работах, подождем.

Неясно, кого включает эта типология — только лидеров или всех членов социологического сообщества? Кажется, «шестидесятники» — это только лидеры, ведь одновременно с ними работали социологи партийно-идеологического толка, отличавшиеся по духу от первых. Их было намного больше, чем «шестидесятников» (по некоторым данным всего в 60-70-е гг. работало до 2000 социологов). Более поздние поколения, судя по всему, включают всех членов сообщества — и лидеров, и рядовых научных сотрудников. Если так, то не обнаруживается единых оснований для выделения поколений.

На мой взгляд, Б. Докторов слишком жестко выделяет поколения, жесткая создается структура. Слишком однородными должны выглядеть поколения в такой интерпретации. Так, в представленную градацию не вошли те, кто предшествовал «шестидесятникам», учил их, оказывал влияние (например, упоминаемый В.П. Рожин).

Значит, до шестидесятников никого не было? Борис Докторов оговаривается, когда речь идет о социологах 1911-1922 г.р.: «Применительно к этой возрастной группе точнее говорить не о поколении социологов как о чем-то целостном, но о работах отдельных обществоведов». Получается, что опять от «людей» мы приходим к «структурам», схемам, раз кого-то приходится исключать из поколенческой типологии.

Докторов также пишет о самых старших (предшествовавших «шестидесятникам») как об «обществоведах», философах, идеологах. Так оно и было; социологи там не числились. Может быть, это причина того, что в качестве первого поколения советских социологов он называет «шестидесятников». Не думается, что это очень точно по сути. Ведь 1) в 20-30-е гг. какое-то время оставались специалисты, называвшиеся социологами; 2) среди

«шестидесятников» не было ни одного социолога по образованию, профессия только получала свое неофициальное название. Разве можно из числа старших учителей изъять Пруденского, Струмилина, Гастева, Белецкого и др., не числившихся социологами? А Николай Бухарин еще в 1921 г. написал «Теорию исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии»? У меня есть впечатление, говорю не в укор ныне здравствующим «шестидесятникам», что у них сложились более выгодные, по сравнению с предшествовавшими поколениями, условия для собственной институционализации в истории социологии. Они, слава Богу, и сейчас пишут воспоминания, дают биографические интервью. Предыдущим это было не дано. Возможно, историкам целесообразно выделять и «поколение предтечей целогошестидесятников», куда входят социальные философы и идеологи — Ю.П. Францев, Г.Ф. Александров, В.С. Кружков, П.Н. Федосеев, А.М. Румянцев, Ф.В. Константинов и др., — открывшие дорогу конкретным социологическим исследованиям в СССР.

Надо бы расширить ретроспективу советской социологии — за «шестидесятников». Для этого надо основываться не столько на биографиях «шестидесятников», сколько на архивах и забытых источниках. Б. Докторов считает, что от предыдущих никого не осталось (репрессии, война). Но это ничего не меняет. Надо искать. Насколько я знаю, статью об Агнесе Звоницкой поставили в готовящуюся «Большую российскую энциклопедию» — благодаря В.В. Сапову. Остается невыстроенной линия российских последователей или просто коллег Питирима Сорокина.

Владимир Александрович задал вопрос Докторову: «Видишь ли ты поколенческие различия между первоходцами и последующими поколениями?». Борис Зусманович ответил, опровергая мнение Г.И. Саганенко: «Я не думаю, что Галино, а значит — мое поколение — потерянное, у меня нет основания считать так <...> многие продолжают работать, так что лишь через годы можно будет в целом сказать о сделанном нами как некоей профессиональной общности. Но для этого следует четко осознать, какие задачи мы были призваны — нашими учителями и старшими коллегами — решать и разобраться в том, решили ли мы их». Действительно, чтобы судить о сделанном поколением, нужна ретроспектива. Говорить об условиях вхождения поколений в социологию и о том, насколько они были удачными, можно уже сейчас. Соглашусь с теми, кто считает 70-80-е гг. временем, более суровым для возвращения творческих кадров в социологию, чем 60-е гг. — как-никак «расцвет застоя». Больше всех из нас, представителей «четвертого» поколения, повезло детям социологов-«шестидесятников»: их было кому поучить и в «век серости», по выражению В. Шляпентоха. Еще рано говорить об эффективности нашего поколения социологов, но ясно, что у него есть перспектива поработать на «постсоветском» этапе отечественной социологии в качестве «старшего». Разрыв между старшими и младшими социологами в ценностно-профессиональном отношении очень большой. Так что на нас ложится серьезная ответственность.

В заключение позволю себе не согласиться с нашим мэтром в том, что сейчас не следует связывать поколения с общим социальным опытом. Вот цитата из реплики В.А. Ядова: «Искать “поколения” на базе единого социального опыта бессмысленно. Возрастные когорты не отличаются какой-либо солидарностью, ибо одни разъезжают по миру, другие и в отпуск никуда не могут выехать, третьи бросились или в религию, или, трудно поверить, в космизм — сочиняют теории “от пупа”, игнорируя профессиональную литературу. Самые молодые, еще студенты “просто живут” в тусовках, или по парочкам,

многие равнодушны к социальным проблемам». По-моему, и сейчас можно искать «поколения», основываясь на общности их социокультурного опыта. Смотря что считать общностью. Такая общность не всегда сопровождается «солидарностью» в когорте, ее однородностью. Это разные вещи. Иногда общность опыта приводит к согласованию, ко всякого рода плюрализмам, что мы и наблюдаем. Все это в сумме есть множественный социокультурный опыт, который предоставляет нынешним поколениям общество, эпоха. Конкретные «формы жизни» — дело личного выбора. Но на фоне других социокультурных возможностей перечисленный набор форм опыта не возник бы.

Но даже и в этом «плюрализме» просматриваются константы. Как мне кажется, «западная почва», которую, по мнению О.Н. Яницкого, приобрели 40-летние, отсутствует у более молодых. Они уже не смотрят с восхищением на Запад, а пытаются создавать свою (иногда виртуальную, иногда тусовочную, иногда коммерческую, иногда научную) поколенческую солидарность, обустроившись на своей почве. Но, к сожалению, среди самых молодых социологов пока мало тех, кто по-настоящему заинтересован в социологическом исследовании нашего общества. Виной тому, опять же, социальные условия и личный прагматический выбор: за это мало платят.